

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 37, Is. 3, pp. 109–117, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-37-3-109-117
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 398.22ББК82.3 (Росс=Тув)Д67

The Tuvan Epic *Bora-Shokar Attyg Boralday*: Poetic Peculiarities in the Context of Multitemporal Recordings

Antonina S. Dongak¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongol Studies, Tuvan Institute for Humanities Research and Applied Socio-Economic Studies (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: antdon@mail.ru

Abstract. The article briefly analyzes poetic peculiarities of a most prominent epic composition *Bora-Shokar Attyg Boralday* (*Boralday Who Owns the Horse Named Bora-Shokar*) from the repertory of the famous tale-teller Khurgul-ool Mongush (1908–1983) who was native of Manchurek located in present-day Sut-Kholsky District of the Tyva Republic. Danzyn-ool Sapyyzyk-oglu Ondar — another remarkable Sut-Khol tale-teller — had been one of Khurgul-ool Mongush's teachers. Later Khurgul-ool learnt the art of tale-telling from Mannay Oorzhak, a bright representative of the Western (Sut Khol) epic tradition of Tuva; he also became familiar with repertories of other local narrators, such as Sevek Ondar, Danzyn-ool Ondar, Shyyrypchyk Oorzkak and others. It is from Mannay Oorzhak that learnt over ten vast epic narratives, including *Bora-Shokar Attyg Boralday* considered to be a most sophisticated Tuvan epic composition.

Khurgul-ool Mongush contained over sixty heroic narratives which he recited from memory. Moreover, a great number of multi-genre fairy tales, non-fairy-tale prose texts, songs and ethnographic essays were recorded from him. Along with diverse compositions from the tale-teller's repertory, the Scientific Archive of the Tuvan Institute for Humanities Research and Applied Socio-Economic Studies stores three multitemporal recordings of *Bora-Shokar Attyg Boralday* made in 1967, 1980, and 1982 respectively (which is by itself a rare phenomenon in Tuvan folklore studies). In general, the epic relates about old Boralday and his seven sons — Tevere-Moge who owns the horse named Demir-Kara, Khan-Kuchu-Maadyr who owns the horse named Saryg-Shokar, Tavyn-Maadyr who owns the horse named Saryg-Shokar, Tarys-Maadyr who owns the horse named Saryg-Shokar, Evideenek-Maadyr who owns the horse named Shan-Khüren, Ertine-Mergen who owns the horse named Arzylan-Kyskyl, and Sumee-Maadyr who owns the horse named Kalchan-Khuren — from the cradle to the grave, sings their exploits against evil invading rulers and mythological creatures — *mangyses*¹, heroic expeditions towards the unknown lands in search of brides accompanied by numerous obstacles, competitions, and their victorious return to the parents, wives, parents-in-law, and other relatives in ancestral lands where they are welcomed with a global feast.

The paper shows that *Bora-Shokar Attyg Boralday* has unique language and poetic/stylistic peculiarities that serve to express Kh. Mongush's individual poetic patterns. Khurgul-ool Mongush was a gem in the chain of talented and original epic tale-tellers to have represented the Western (Sut Khol) branch of the Tuvan epic tradition. Together with the Central Asian *Gesar*, *Jangar* of the Oirats, the Altaian *Maaday Kara* and other Turco-Mongolian epics, the Tuvan *Bora-Shokar Attyg Boralday* can be well viewed as a pinnacle of Tuvan folklore.

Keywords: Tuvan folklore, epic legend, poetic peculiarities, artistic means, style

¹ Mangys (Tuv. мангыс) — *myth.* 'beast'.

I. История собирания, изучения и публикации тувинского фольклора начинается с XIX в. и связана с именами русских ученых В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Н. Ф. Катанова, а в начале XX в. — и Ф. Я. Кона.

В последующие годы, и особенно после создания в 1945 г. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, усилиями тувинских ученых, писателей, учителей, журналистов, студентов и энтузиастов собран огромный фонд тувинского фольклора, в том числе сказок. Однако до сегодняшнего дня даже хранящийся в архивах фольклорный материал не исследован в полной мере и ждет своего часа. С. М. Орус-оол, говоря о стоящих перед тувинской фольклористикой первоочередных задачах, справедливо отмечает важность такой работы, как «составление полного списка сказителей на основе научной систематизации, которая по масштабам и историко-культурному значению могла бы равняться таким проектам, как Свод археологических памятников, Собрание произведений писателей и т. п.» [Орус-оол 2009: 11].

II. Тувинская сказительская традиция представлена такими талантливыми певцами, как Чанчы-Хоо Ооржак, Баазаннай Тюлюш, Маннай Ооржак и многими другими именами, которые оставили богатое наследие в виде сотни тысяч стихотворных строк эпических сказаний, повествований, а также сказок, легенд, преданий, обрядовой поэзии и других жанров.

Одним из последователей и носителей школы вышеназванных мастеров стал Хургул-оол Сазыг-Хунаевич Монгуш (1908–1983), родом из местности Манчурек современного Сут-Хольского кожууна Республики Тыва. По воспоминаниям Хургул-оола, огромное влияние на пробуждение его интереса к сказкам и в дальнейшем на развитие художественного дара оказала его приемная мать — Дыгбаа, взявшая со своим мужем Чандан-Хоо Ооржаком мальчика на воспитание, когда тому было всего три дня от роду. Будучи сестрой родной матери будущего сказителя, с ярким, живым характером, сама обладавшая сказительским даром, Дыгбаа, заметив, что сын проявляет интерес к сказкам, стала приглашать к себе в юрту сказочников со всей округи и всячески поощрять заинтересованность сына. Так, в детстве одним из первых учителей Хургул-оола стал Данзын-оол Сапыжык-оглу

Ондар, известный в Сут-Холе знаток сказок. Когда маленький Хургул-оол, выучив наизусть услышанные сказки, пересказывал родителям, то они, в свою очередь, наказывали: «Тот, кто знает сказки, становится мудрым и обладает хорошей речью, и сказки, которые ты знаешь, и дальше рассказывай людям, сынок» [Дарыма 1983: 301].

Талантливый певец-сказитель в течение своей жизни занимался самым различным трудом — одним из первых вступил в колхоз, был чабаном, работал строителем, поваром, сторожем, охотником, пастухом. Но самым главным делом его жизни было сказительство, которое раскрыло художественный талант и неординарность его личности.

III. Репертуар Хургул-оола Монгуша включал более шестидесяти богатырских сказаний, которые он знал наизусть. Кроме того, от него записано много разножанровых сказок, произведений несказочной прозы, песен и этнографических сведений. По свидетельству эпосоведа С. М. Орус-оол, «все в Фольклорном фонде Тувинского института гуманитарных исследований¹ хранится 63 сказки сказителя Хургул-оола. Из них на магнитофоне записаны 22 образца (эпических сказаний — 12; сказок — 10), от руки записано 41 произведение (эпических сказаний — 10; сказок — 31) [Орус-оол 2009: 40]. Далее исследователь сетует, что «из всех зафиксированных и хранящихся в архиве сказок Хургул-оола Монгуша в свет вышли только 2 эпических сказания — «Бора-Шокар аъттыг Боралдай» ‘Боралдай с конем Бора-Шокар’ (в 1983 г. издано в Кызыле отдельной книгой), «Күчүн-Хүрөң аъттыг Хүрү-Маадыр» ‘Хуру-Маадыр с конем Кучу-Хурен’ (сборник «Арзылан-Мерген», Кызыл, 1974 г.) и одна сказка о животных «Хам Бөрү биле шинчээчи Бөрү» ‘Волк-шаман и Волк-исследователь’ [Орус-оол 2009: 40].

Бурятский ученый Р. А. Шерхунаев, будучи в 1974 г. в Туве, специально встречался с Х. С-Х. Монгушем и одним из первых описал биографию певца и исследовал его творчество [Шерхунаев 1977: 133–167].

Позднее искусству сказывания Хургул-оол учился и у Манная Ооржака, яркого представителя «западной» — сут-хольской — школы сказителей Тувы. Именно от Манная, который по возрасту был старше его

¹ Ныне — Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ).

почти на двадцать лет, Хургул-оол Монгуш впервые услышал и запомнил более десяти крупных эпических сказаний, в том числе эпос «Бора-Шокар аъттыг Боралдай» 'Боралдай с конем Бора-Шокар'. Примечательно то, что данное произведение, признанное одним из высокохудожественных образцов эпического творчества тувинцев, Хургул-оол слушал и от Севека Ондара, Данзын-оола Ондара и Шырыпчыка Ооржака и многих других сут-хольских сказителей.

IV. В Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), наряду с произведениями различных жанров из репертуара Хургул-оола Монгуша, хранятся три разновременные записи эпоса «Боралдай с конем Бора-Шокар», зафиксированные собирателями в 1967, 1980 и 1982 гг., что само по себе стало очень редким фактом в тувинской фольклористике. По признанию исследователей, при беглом ознакомлении с первыми двумя записями (1967, 1980 гг.) создавалось впечатление, что это не цельное повествование со сквозным сюжетом, а произведение, состоящее из различных сказочных сюжетов: повторяемость эпизодов, связанных с героическим сватовством и богатырскими подвигами, вкрапление мифологических и сказочных мотивов, обилие персонажей и т.д. Как отмечает С. М. Орус-оол, «в 1982 г., когда второй вариант эпоса „Боралдай с конем Бора-Шокар“, записанный в 1980 г., был уже подготовлен для публикации научным сотрудником сектора фольклора О. К-Ч. Дарымой, то вдруг возникло сомнение по поводу оригинальности данного произведения, и мы задавались вопросом: „Не является ли оно компиляцией разных тувинских сказок?“. По заданию ответственного редактора издания, известного ученого-лингвиста Д. А. Монгуша, сказителя Х. С-Х. Монгуша целенаправленно пригласили в Кызыл, и в 1982 г. в стенах Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) была осуществлена повторная, уже третья, магнитофонная запись эпоса „Боралдай с конем Бора-Шокар“. В последующие три месяца группа научных сотрудников из шести человек делала расшифровку этой записи. В истории института это был первый случай, когда над расшифровкой одного фольклорного произведения трудилось сразу такое количество сотрудников» [Орус-оол 2009: 43–44].

Так была подтверждена оригинальность сюжета сказания «Боралдай с конем Бора-Шокар», и в 1983 г., как мы указывали выше, его текст вышел в свет в виде отдельной книги под одноименным названием [Бора-Шокар ... 1983]. Отметим, что в настоящей статье для анализа нами был отобран именно упомянутый книжный текст сказания, как наиболее полновесный по сюжету и яркий по художественным характеристикам.

Эпическое сказание не переводилось на русский язык, и потому оно известно только тувинскому читателю. В будущем перед фольклористами стоит задача изучить данное произведение в полной мере и уделить внимание его переводу на русский язык, поскольку, на наш взгляд, по эпическому содержанию и художественным достоинствам его можно считать одним из шедевров устного народного творчества тувинского народа.

10 декабря 2008 г. научная и культурная общественность Республики Тыва широко отметила 100-летие со дня рождения Хургул-оола Сазыг-Хунаевича Монгуша. В его родном селе Алдан-Маадыр состоялась республиканская научно-практическая конференция «Вспомним своих сказителей, увековечим их имена», в работе которой приняли участие научные сотрудники Тувинского института гуманитарных исследований, писатели, учителя, школьники, односельчане, дети и внуки Х. Монгуша.

В 2009 г. материалы конференции были изданы отдельной книгой под названием «Тоолчу Монгуш Хургул-оол (100 харлаанынга)» (на тувинском языке), которая стала первой в тувинской фольклористике работой, посвященной одному сказителю [Тоолчу Монгуш ... 2009]. В нее, помимо воспоминаний и рассказов родственников, детей и других людей, знавших Х. С-Х. Монгуша, вошли также исследовательские статьи тувинских фольклористов [Донгак 2009: 96–112; Дугаржап 2009: 126–144; Кунгаа 2009: 76–95; Самдан 2009: 66–75; Чондан 2009: 113–125].

Из числа тувинских певцов-сказителей именно Хургул-оолу Монгушу повезло в том плане, что отдельные сказки из его репертуара имеют повторные записи. Такие случаи являются весьма редкими в фольклористике. Так, помимо сказания «Боралдай с конем Бора-Шокар» сохранились повторные записи и эпоса «Он беш харлыг Алдай-Сүмбер» 'Пятнадцатилетний Алдай-Сумбер', сделанные в 1958 г. (запись от руки),

27 сентября 1982 г. (запись на магнитофоне, которую С. М. Орус-оол повторно записала через два дня — 29 сентября 1982 г.) [Орус-оол 2009: 45]. Есть также три повторные записи эпического сказания «Күчү-Хүрен аъттыг Хүрү-Маадыр» 'Хуру-Маадыр с конем Кучу-Хурен' (1958, 1972, 1982 гг.).

В свое время тувинский ученый-фольклорист Д. С. Куулар считал, что «по полноте и динамизму эпического содержания, богатству образной системы и количеству действующих лиц тувинское сказание „Боралдай с конем Бора-Шокар“ можно сравнить с кыргызским „Манасом“, „Сказаниями о нартах“ кавказских народов, арабской сказкой „Тысяча и одна ночь“ и другими произведениями народов мира. Поскольку в эпосе нашли отражение не только мифы, сказки и предания, но и различные стороны жизни, особенности традиций и обычаев, древнее мировоззрение и религиозные представления народа, включая даже познания в медицине» [Куулар 1983: 304].

Сказание «Боралдай с конем Бора-Шокар» состоит из семи глав, в которых, наряду с главными героями (стариком Боралдаем, Караты-Ханом, Демичи-Маадыром и их женами), действующими лицами являются семеро сыновей Боралдая, их побратимы Хайын-Хурбеш, Кайгал-Хурбеш и противники Хүн оглу Хүмүш-Мөге ('Сын Солнца Силач-Хумуш'), Ай оглу Адар-Мөге ('Сын Луны Силач-Стрелок'), Дээр оглу Дээк-Мөге ('Сын Неба Силач-Дээк') и другие персонажи. Много также женских (дочь Караты-Хана — Авыкай золотая-дангына¹, старуха Узун-Сарыг-Кадай, невестки Боралдая — Чечен-Кара дангына, Узун-Назын дангына, дочь Ай-Хана Авыкай золотая дангына, дочь Ак-Хана Авыкай золотая дангына, дочь Хун-Хана Хумуш дангына и другие), мифологических и зооморфных образов (Курмусту-Хан, Эрлик-Ловун-Хан, Ус-Хан, различные шулбус² — Шестиголовый Адыгыр-Шулбу, Трехголовый Удугур-Шулбу и т. п., богатырские кони, птица Хан-Херети, Көк-Хөлдүн ээзи Көк-Буга 'хозяин Синего озера Синий-Бык', Алдын-Ала-Мыйгак 'Золото-Пестрая-Маралуха' и т. д.). Есть упоминание и об отце старика Боралдая — Амың-Хане с конем Даш-Хурен.

¹ Дангына — фолькл. дочь хана, царевна, фея, красавица.

² Шулбус — миф. злые духи (в женской и мужской вариациях); обычно одноглазые, с медными носами, принимают различные облики.

Основное содержание сказания «Боралдай с конем Бора-Шокар» — описание жизни старика Боралдая и его семерых сыновей — Тевене-Мөге с конем Демир-Кара, Хан-Кучу-Маадыра с конем Сарыг-Шокар, Тавын-Маадыра с конем Сарыг-Шокар, Тарыс-Маадыра с конем Сарыг-Шокар, Эвидээнек-Маадыра с конем Шан-Хүрен, Эртине-Мергена с конем Арзылан-Кыссыл и Сумээ-Маадыра с конем Калчан-Хурен — с самого рождения и до старости, воспевание их подвигов, направленных против злых ханов-завоевателей и мифологических существ — мангысов³, повествование о героических походах в далекие земли за невестами — золотыми дангына — со множеством опасных препятствий и участием в различных богатырских состязаниях и в финале, после победы над противниками, благополучное возвращение братьев и их воссоединение с родителями, женами, тестями, тещами, сватами на родной земле и всеобщем пире. Описывается также и обыденная кочевая жизнь, например: эпические герои играют в шахматы, игральные кости, рассказывают друг другу сказки, состязаются в мастерстве стрельбы из лука, скачках, беге и борьбе, пасут свой скот, охотятся и т. д.

В сказании также выпукло выражены брачные, клановые, семейно-родовые взаимоотношения и побратимские мотивы, которыми сквозной нитью пронизано все эпическое повествование (когда семеро сыновей Боралдая спасают дочь Караты-Хана Авыкай алдын-дангына от птицы Хан-Херети и решают, что будет справедливо, если она станет им не женой, поскольку их семеро, а сестрой, то ее отец — Караты-хан усыновляет их; позже, в ходе своих походов, герои братаются также с сыновьями старухи Узун-Сарыг-Кадай — Кайгал-Хурбешем и Хайын-Хурбешем, и, таким образом, их становится всего десять человек — девять братьев и сестра; когда старика Боралдая и его жену сыновья вывозят из плена Эрлик-Ловун-хана — владыки Нижнего мира, то герой также становится побратимом Караты-Хану, который усыновил его семерых сыновей и спас от голодной смерти и Демичи-Маадыру, дочь которого Чечен-Кара дангына стала женой его младшего сына Тевене-Мөге). И можно сказать, что из таких мотивов в сказании выстраивается целая цепочка сюжетных эпизодов. Таким образом, принадлежность к определенному

³ Мангыс — миф. чудовище.

родо-племенному союзу, неразрывность родственных уз являются одними из главных идейных подоплек данного произведения. Об этом свидетельствует тот факт, что во время своих путешествий главные персонажи — семеро братьев — представляются сыновьями то старика Боралдая, то Караты-Хана. Таким образом, исходя из содержания эпоса «Боралдай с Бора-Шокар конем», можно предположить, что он относится к ранним, древним формам эпоса и, возможно, является весьма условным художественным преломлением бурных исторических событий, происходивших в период междоусобиц и распрей между различными родо-племенными союзами кочевых племен, населявших в древности Туву и соседние территории, что справедливо отмечал А. В. Кудияров следующим образом: «Устный эпос сибирских тюрков и монгольских народностей, наследующий и развивающий фольклорные традиции родового общества, предстает обращенным к прошлому, осмысление которого, в силу обобщающей мысли того времени, базировалось в значительной степени на образах мифологической фантастики и религиозных воззрениях на жизнь как на борьбу доброго и злого начал. Поэтому богатырская героика, направленная на уничтожение демонических существ, олицетворяющих враждебные эпископскому коллективу силы, является определяющей в ранних формах эпоса рассматриваемых народов» [Кудияров 1994: 8].

Примечательно также то, что содержание сказания глубоко пронизано представлениями и понятиями, характерными для древних религиозно-мифологических воззрений народов Центральной Азии и Саяно-Алтая, в частности, культом поклонения Небу — Курмусту дээр¹ — самому высшему слою в Верхнем мире, где правит сильный и могущественный Курмусту хан², и, наряду с ним, культом почитания родителей, предков. Например, в традиционной финальной сцене, когда все герои воссоединяются и возвращаются в родные кочевья, один из сыновей во время пира произносит слова, в которых ясно проступает культ почитания

¹ Курмусту дээр — *миф.* (вариант: Курбу-сту), владыка Неба, бог богов, считается, что он находится далеко в небесных краях, выше других божеств; мифическая страна; название царства неба Курбус.

² Курмусту хан — *миф.* царь, владыка всех богов.

родителей и проявление всемерной заботы о них: «Бора-Туру-Маадыр в небо упирающуюся золотую суурга³ возвел [и] старших [по возрасту] людей внутри поселил, начиная [с] Узун-Сарыг-Када [до] Сарыг-Хана, Караты-Хана, Демичи-Маадыра [и] Боралдая, этих пятерых поселил. Сами [же] свои юрты-жилища рядом возвели, и, „со стороны беды — злые духи могут прийти, с Неба, если спуститься, то [тоже] нельзя, Курмусту ведь есть, с Нижнего мира мы ведь можем приглядывать [за ними]“, сказав, волшебным образом железной оградой окружил реку Чинге-Кара-Хем, так все братья зажили счастливо и сытно со всеми многочисленными поданными и скотом...». Другой пример из текста: «нельзя старшего огорчать, нельзя младшего ругать, старших надо почитать. Раз вы старше, а я младше, потому и поклоняюсь вам, отец мой, — так сказав, присел...».

Сказание «Боралдай с Бора-Шокар конем» выделяется и объемом: текст состоит из 758 машинописных страниц, в книжном варианте напечатано 307 страниц. Примечательно то, что данный эпос построен прозаическим языком, а не стихотворным, как обычно многие другие образцы тувинских героических сказаний. Напевно-речитативное исполнение в целом было характерным явлением в исполнительской традиции тувинцев, исходя из стихотворного ритма, присущего стилю эпических сказаний и богатырских сказок, что впервые было отмечено Н. С. Тогуй-оолом [Тогуй-оол 1953: 93].

Тезис о том, что тексты тувинских эпических сказаний подчиняются внутренней стихотворной ритмике, подтверждается также в работах А. В. Кудиярова, С. М. Орус-оол и З. К. Кыргыс. К примеру, по замечанию С. М. Орус-оол, тувинские эпические сказания построены на таких языковых явлениях, как «однотипность синтаксических отрезков, образующих синтаксический, образно-поэтический параллелизм; фразовая законченность отрезка; членимость многосоставной фразы на относительно законченные смысловые части; звуковые совпадения, развернутые определительные конструкции; созвучие начальных слов и слогов, образующих поэтическую аллитерационную форму» [Орус-оол 2001: 15].

³ Суурга — *фолькл.* субурган, буддийская пагода.

Язык рассматриваемого нами эпическо-го сказания также чрезвычайно насыщен простыми и развернутыми постоянными эпитетами (ими наделены почти все персонажи и предметы — главные и второстепенные герои, животные, мифологические существа, пространство, время, картины природы и другие реалии), сравнениями, устойчивыми словосочетаниями («типическими местами», формулами и т. д., характерными для эпической поэзии в целом): «народ тот так оживленно общался, веселился, [пока] у раба уши не заросли, [пока] у бродячей собаки хвост не стал коротким, [до тех пор] пировали-праздновали, что те, кто [долго] не виделись, там друг друга повидали, те, кто [прежде] не был знаком, там друг с другом знакомились, так говорили-разговаривали»; «[когда] народ-люди падали-вставали, ели-пили и так расходились-разъезжались, то [кто] пришел сверху, вверх поднявшись, кто пришел снизу, вниз, спустившись, так расходились...». В то же время многие из этих изобразительных средств являются неповторимыми образцами, присущими для художественного почерка сказителя Хургул-оола Монгуша. В качестве примера приведем отдельные формулы: 1) «[когда] ночь наступала, дрожали, [когда] день наступал, туда-сюда бродили, [когда] пятки, стеревишись, до костей обнажались, [когда] подошвы, истрепавшись, до плеча доходили, [когда] желудок-живот опустевал, [в] лес-горы ходили, чуть [было] медведем-волком не съеденные, [так] ягоды-фрукты собирали, добывали...»; 2) «в большой бурээ¹ дую, большую часть подданных зазывали, в маленький бурээ дую, малую часть подданных зазывали, малую часть подданных позвав, у устья длинной реки длинные привязи возведите, большой табун пригоните, у устья узкой реки короткие привязи установите, малый табун пригоните, араку с моря, мясо с горы соберите, так указывали...»; 3) «твердых сапог твоих подметки буду облизывать, стального меча твоего острие буду облизывать, коня твоего копыта буду облизывать, говоря, на Солнце и Луну глядя, клятвенное слово давал»; 4) «на расстоянии с месяц езды шум услышит, на расстоянии с год езды запах почует»; 5) «один рог такой мерзлый от стужи, что трещит, другой рог такой горячий от жара, что кипит, и человек растворяется [в нем]»; 6) «о

том, как наступила зима, по инею узнавая, скрипел, о том, как пришло лето, по росе узнавая, шуриал, так ехал...» и т. д.

Хотя сюжетная структура сказания состоит из общеэпических сцен, эпизодов, мотивов (детство героев и их детские игры и забавы, наречение именем героев и их коней, походы за невестами, участие в богатырских состязаниях, поединки с шулбусами и мангысами, победа над ними и т. д.), все же характерно то, что в нем обычаи и обряды народа изображены более узнаваемыми и реалистичными.

Например, когда очередной из сыновей Боралдая женится на добытой через множество испытаний невесте, сказитель дает не только развернутые описания свадебных пиршеств (этапы подготовки, угощения) («Народ-поданные [мои]! С моря молочную водку, с горы мясо приготовили?», — спросил [хан] / Те: „Приготовили!“ — [так] ответили / „Хороший зять мой в путь отправляется, народ-поданные [мои], так празднуйте-пируйте“, — [так] сказав, народ-поданных [своих] кормил-потчевал, мясом-салом угощал»), но и вкрапляет в повествование словесные состязания между сватами — родителями жениха и невесты — с шутками, остротами, песнями, благопожеланиями и т. д., с использованием различных художественно-изобразительных средств, каждый раз придав им новое звучание, новую окраску, и потому эти сцены неповторимы в каждой из семи глав.

В сказке представлены и другие типические места, характерные для эпических произведений (например, многочисленные сцены угощения, уважительное отношение героев к своим коням и их диалоги с ними и т. д.).

Для сказания характерны также социальные мотивы («если хан скажет: „голову твою снесу вместе с шапкой, руку твою отрублю вместе с рукавом“, то следует подчиниться»; «когда хан зовет к себе, то поданный обязательно должен предстать перед ним и не имеет права не подчиниться или перечить, так как за это могут казнить»).

Персонажи в эпосе также придерживаются морально-этических норм поведения сказочных, эпических героев-богатырей («если мужчина не отправится туда, куда намеревался отправиться, то в будущем может выродиться в синего лысого быка,

¹ Бурээ — будд. музыкальный инструмент.

несущего поклажу»; «давай-ка будем друзьями-приятелями, братьями-побратимами, чтобы дружба наша в течение трех поколений не прерывалась, чтобы в течение девяти поколений не закончилась»; «у побежденного врага спрашивают последнее желание и исполняют его»).

В сюжет сказания также вкраплены две сказки, которые герои рассказывают друг другу: 1) сказка «О Шан-хане, имевшем сто восемь жен», рассказанная Авыкай алдын-дангыной старшему брату перед его отправлением в поход с пожеланиями удачной дороги; 2) сказка «О табунщиках, которые спорили из-за деревянной женщины», рассказанная Узун-Сарыг-Кадай во время пира в конце сказки.

Отметим, что обе сказки известны как сюжеты, заимствованные из монгольских «обрамленных» книжных памятников, которые широко распространены в тувинском фольклоре. В частности, сюжет вышеотмеченной истории «О табунщиках, споривших из-за деревянной женщины» совпадает с сюжетом одного из вставных рассказов в сказке «Ужен ийи ыяш буттут ширээ» ('Трон о тридцати двух деревянных ножках'). Данная сказка записана у известного тувинского сказителя Чанчы-Хоо Ооржака и является тувинским устным вариантом монгольского повествовательного сборника в жанре «обрамленной повести» «Аржи-Буржи» [НА ТИГПИ. Т. 34. Д. 142]. Присутствие данного сюжета в сказании «Бора-Шокар аъттыг Боралдай» в виде вставной истории может послужить доказательством того, что сказитель, возможно, был хорошо знаком со сказками из различных тибето-монгольских литературных источников.

Как нами отмечено, в тексте много благопожеланий и славословий, восхваляющих героев: «выпущенная им стрела пусть на землю не падает, в состязаниях-поединках пусть его не одолеют, пусть дела его спорятся, пусть судьба его сложится!»; «пусть стрела, выпущенная этим молодым, на землю не падает, пусть в поединках-состязаниях никто его не победит, пусть исполнятся, ладятся его дела, пусть там, куда он наступит, трава зеленая вырастет, пусть там, где он побывает, сало-жир появятся! Вежливый-приветливый, уважаемый народом добрый молодец, говорят!» и тому подобные.

Сказитель постоянно прибегает и к различным цветовым эпитетам («большая черная река», «широкая желтая степь», «большая желтая поляна», «большая коричневая кобылица», «красная пыль», «белая пыль», «серая пыль», «слеповатый, с красными глазами, старик», «твердый черный лук», «твердая черная стрела», «золотая суурга-коновязь» и т. д.). Числовые обозначения людей, предметов, животных и других реалий также характерны для сказания, например, при описании воинских доспехов и снаряжений: «железный меч длиной в шестьдесят саженей, острый штык с тридцатью тремя суставами», «толщиной в четыре сажени, окружностью в семь саженей, длиной в семьдесят саженей длинный черный бронзовый меч», и т. п.

Выше нами отмечено, что сказание «Бора-Шокар аъттыг Боралдай» повествуется прозаическим, а не стихотворным языком, но оно тяготеет к традиционной образности и формульности, построенной на начальном созвучии и синтаксическом параллелизме. Широко применяемые созвучие начальных звуков, лексические повторы, рифмованные окончания, различные усилительные частицы и другие стилистические приемы придают тексту ритмизированную организацию. Также широко используются парные слова (с горами-пригорками; с перевалами-вершинами; рыбками-мальками; с целебными источниками-водами; изюмом-сладостями; с ягодами-фруктами (земля); семь рек, семеро братьев).

Таким образом, имя сказителя Хургулоола Монгуша, наряду с его учителями, вошло в число талантливых и самобытных исполнителей-певцов и продолжателей традиций сут-хольской школы тувинской сказительской традиции. Его индивидуальный стиль и манера характеризуются неповторимыми лексико-стилистическими и поэтико-стилевыми особенностями, присущими именно ему, о чем свидетельствует текст сказания «Бора-Шокар аъттыг Боралдай».

В заключение следует отметить, что тувинское сказание «Бора-Шокар аъттыг Боралдай», наряду с «Гэсэром» народов Центральной Азии, «Джангаром» ойратских народов, «Маадай-Кара» алтайцев и многими другими произведениями тюрко-монгольского эпоса, может считаться одним из значимых памятников и вершиной художественного творения тувинского народа.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Т. 34. Д. 142. [*Nauchnyy arkhiv Tuvinskogo instituta gumanitarnykh i prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy* [Scientific Archive of the Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research.] Vol. 34. D. 142].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бора-Шокар ... 1983 — Бора-Шокар аъттыг Боралдай. Кызыл: Тыванын НҮЧ, 1983. 308 с. (Монгуш Х. С. Боралдай, имеющий коня Бока-Шокар (на тув. яз.). Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1983. 308 с.) [*Bora-Shokar Attyg Boraldai* [Boraldai who owns the horse named Bora-Shokar]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1983. 307 p.] (In Tuv.).
- Дарыма 1983 — Дарыма О. К-Ч. Тоолчунуң дугайында (О сказителе) // Бора-Шокар аъттыг Боралдай (на тув. яз.). Кызыл: Тыванын НҮЧ, 1983. С. 301–303. [Daryma O. About the tale teller. *Bora-Shokar Attyg Boraldai*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1983. Pp. 301–303]. (In Tuv.).
- Донгак 2009 — Донгак А. С. Монгуш Хүргүл-оолдун тоолдарының уран-чечен онзагайы (Художественные особенности сказок Хургүл-оола Монгуша) / Тоолчу Монгуш Хүргүл-оол (100 харлаанынга) (на тув. яз.). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. С. 96–112. [Dongak A. Artistic peculiarities of fairy tales performed by Mongush Khürgül-ool]. *Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*. Kyzyl: Anyiak, 2009. Pp. 96–112] (In Tuv.).
- Дугаржап 2009 — Дугаржап А. Т. Монгуш Хүргүл-оолдан бижиттинген аас-чогаал материалдары (Фольклорные материалы, записанные от Хургүл-оола Монгуша) / Тоолчу Монгуш Хүргүл-оол (100 харлаанынга) (на тув. яз.). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. С. 126–144. [Dugarzhap A. Folklore materials recorded from Mongush Khürgül-ool]. *Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*. Kyzyl: Anyiak, 2009. Pp. 126–144] (In Tuv.).
- Кудияров 1994 — Кудияров А. В. Примечание переводчика к богатырской сказке // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 414–432. [Kudiyarov A. V. Translator's notes to a heroic fairy tale. *Tuvinskie narodnye skazki*. Novosibirsk: Nauka, 1994. Pp. 414–432].
- Кудияров 2002 — Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН. 2002. 329 с. [Kudiyarov A. V. *Khudozhesvennyo-stilisticheskie traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [The epic of Mongolic and Turkic peoples of Siberia: artistic and style traditions]. Moscow: Gorky Institute of World Literature (RAS), 2002. 329 p.].
- Кунгаа 2009 — Кунгаа М. Б. Монгуш Хүргүл-оолдун тоолдарының тоолдарының тема, сюжет болгаш омур-хевир байлаа (Тематическое, сюжетное и персонажно-образное богатство сказок Хургүл-оола Монгуша) / Тоолчу Монгуш Хүргүл-оол (100 харлаанынга) (на тув. яз.). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. С. 76–95. [Kungaa M. Mongush Khürgül-ool's fairy tales: vividness of themes, plots, images of characters]. *Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*. Kyzyl: Anyiak, 2009. Pp. 76–95] (In Tuv.).
- Куулар 1983 — Куулар Д. С. Сөөлгү сөс (Послесловие) // Бора-Шокар аъттыг Боралдай. Кызыл: Тыванын НҮЧ, 1983. С. 304–306 (на тув. яз.). Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1983. 308 с. [Kuular D. Epilogue. *Bora-Shokar Attyg Boraldai*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1983. Pp. 304–306] (In Tuv.).
- Орус-оол 2001 — Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: МАКС Пресс, 2001. 422 с. [Orus-ool S. *Tuvinskie geroicheskie skazaniya (tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic tales (textology, poetic, style)]. Moscow: MAK Press, 422 p.].
- Орус-оол 2009 — Орус-оол С. М. Эпиктиг ыраажы болгаш оон репертуары (Эпический певец и его репертуар) / Тоолчу Монгуш Хүргүл-оол (100 харлаанынга) (на тув. яз.). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. С. 23–65. [Orus-ool S. Epic performer and his repertoire. *Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*. Kyzyl: Anyiak, 2009. Pp. 23–65] (In Tuv.).
- Самдан 2009 — Самдан З. Б. Х. С.-Х. Монгуш — Сүт-Хөл тоолчуларының шылгараңгай төлээзи (Х. С.-Х. Монгуш — яркий представитель сказителей Сут-Холя) / Тоолчу Монгуш Хүргүл-оол (100 харлаанынга) (на тув. яз.). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. С. 66–75. [Samdan Z. B. Kh. S.-Kh. Mongush — a brightest representative the Süt-Khöl tale-telling tradition. *Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*. Kyzyl: Anyiak, 2009. Pp. 66–75] (In Tuv.).
- Кыргыз 1994 — Кыргыз З. К. Музыкальное исполнение тувинских сказок // Тувинские на-

- родные сказки / Сост. З. Б. Самдан. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 8). Новосибирск: Наука; Сибирская издат. фирма, 1994. С. 35–48. [Kyrgys Z. K. Tuva fairy tales: musical accompaniment. *Tuvinskie narodnye skazki*. Z. B. Samdan (comp.). Series 'Peoples of Siberia and the Far East: folklore monuments'. Vol. 4. Novosibirsk: Nauka, 1994. Pp 35–48].
- Тогуй-оол 1953 — *Тогуй-оол Н. С.* Опыт исследования тувинского стихосложения // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. I. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1953. С. 93–110. [Toguy-ool N. S. Tuva prosody: an effort of research. *Uchenye zapiski TNIYaLI*. Iss.1. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1953. Pp. 93–110].
- Тоолчу Монгуш ... 2009 — Тоолчу Монгуш Хургул-оол (100 харлаанынга). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. 191 с. [*Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*] [Taleteller Mongush Khurgul-ool (100th anniversary of birth)]. Kyzyl: Anyiak, 2009. 191 p.] (In Tuv.).
- Чондан 2009 — *Чондан Ч. С.* Тоолчунун репертуарында «Өскүс-оол» деп хуулгаазын тоолдар (Волшебные сказки «Оскус-оол» из репертуара сказителя) / Тоолчу Монгуш Хургул-оол (100 харлаанынга) (на тув. яз.). Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2009. С. 113–125. [Chondan Ch. Magic fairy tales 'Oskus-ool' from the repertoire of the taleteller]. *Toolchu Mongush Khurgul-ool (100 kharlaanynga)*. Kyzyl: Anyiak, 2009. Pp. 113–125] (In Tuv.).
- Шерхунаев 1977 — *Шерхунаев Р. А.* Певцов благородное племя. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 263 с. [Sherkhunaev R. A. *Pevtsov blagorodnoe plemya* [The noble family of epic singers]. Irkutsk: East Sib. Book Publ., 1977. 263 p.].

УДК 398.22ББК82.3 (Росс=Тув)Д67

Особенности поэтики тувинского эпоса «Боралдай с конем Бора-Шокар» в контексте разновременных записей

Антонина Саар-ооловна Донгак¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, сектор монголоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: antdon@mail.ru

Аннотация. В статье дан краткий анализ особенностей поэтики одного из крупных эпических сказаний тувинцев «Бора-Шокар аъттыг Боралдай» («Боралдай с конем Бора-Шокар») из репертуара известного сказителя Хургул-оола Монгуша. Автор показывает, что произведение обладает неповторимыми языковыми и поэтико-стилевыми особенностями, передающими индивидуальный поэтический стиль и манеру Х. Монгуша.

Репертуар Хургул-оола Монгуша включал более шестидесяти богатырских сказаний, которые он знал наизусть. Кроме того, от него записано много разножанровых сказок, произведений несказочной прозы, песен и этнографических сведений. В Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), наряду с произведениями различных жанров из репертуара Хургул-оола Монгуша, хранятся три разновременные записи эпоса «Боралдай с конем Бора-Шокар», зафиксированные собирателями в 1967, 1980 и 1982 гг., что само по себе стало очень редким фактом в тувинской фольклористике.

Хургул-оол Монгуш вместе со своими учителями представлял плеяду талантливых и оригинальных исполнителей эпосов и преемников западной (сут-хольской) школы тувинской эпической традиции.

Тувинское сказание «Бора-Шокар аъттыг Боралдай», наряду с центральноазиатским «Гэ-сэрэм», «Джангаром» ойратских народов, «Маадай-Кара» алтайцев и многими другими произведениями тюрко-монгольского эпоса, может считаться одним из значимых памятников и вершиной художественного творения тувинского народа.

Ключевые слова: тувинский фольклор, эпическое сказание, художественные особенности, изобразительные средства, стиль